

В этой книге искусно сочетаются панорама литературной культуры Позолоченного века и специфика, уникальность ее отдельных героев. С вниманием к нюансам и глубоким пониманием Зихерман доказывает, что практика личного чтения оказала глубокое влияние на публичные начинания женщин.

Journal of American History

Важная книга для тех, кто интересуется гендерными вопросами, грамотностью и жизнью Америки в XIX веке.

*Clio: A Journal of Literature, History,
and the Philosophy of History*

Зихерман углубляет наше понимание природы чтения как такового, раскрывая ту самую магию, которой книги, несомненно, обладали для этих молодых женщин... Выдающийся вклад в историю книги, историю женщин и наше понимание силы чтения как культурного ресурса для перемен.

Legacy: A Journal of American Women Writers

Изящный исторический обзор... о решающей роли чтения.

American Historical Review

Ценный источник для понимания женской культуры эпохи прогрессивизма.

Library & Information History

Прекрасно написанная монография.

CHOICE

Барбара
Зихерманн

ЖИЗНЬ
МЕЖДУ
СТРОК

КНИГИ, ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ
И СУДЬБЫ ЖЕНЩИН

УДК 94(73).08 + 94(73).09

ББК 63.3(7)

366

Barbara Sicherman

WELL-READ LIVES

How Books Inspired a Generation of American Women

Опубликовано с согласия University of North Carolina Press (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод с английского Елизаветы Шагиной

Зихерман Б.

366 Жизнь между строк : Книги, письма, дневники и судьбы женщин / Барбара Зихерман ; [пер. с англ. Е. И. Шагиной]. — М. : Колибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-389-26818-0

Девочки и женщины Позолоченного века находили и теряли себя в книгах. Чтение было учебной и игровой, дисциплиной и освобождением, интеллектуальным удовольствием и вдохновением для творчества, эскапизмом и способом провести время с семьей. Как чтение стало культурным образом жизни, а роман «Маленькие женщины» — обрядом взросления для целого поколения девочек-подростков? Почему библиотеки воспринимались как символ свободы? Как любовь к литературе пробуждала амбиции и воображение? Филолог-классик Эдит Гамильтон и врач Элис Гамильтон выросли, окруженные книгами. Религия семьи Марты Кэри Томас запрещала чтение, однако книги стали ее главной страстью — ее главным удовольствием и искушением. Афроамериканка Ида Белл Уэллс родилась в рабстве, и умение обращаться со словами стало ее пропуском в мир в качестве педагога и журналистки.

Историк и специалист в области гендерных исследований Барбара Зихерман предлагает новый взгляд на книжную и интеллектуальную культуру Позолоченного века и на удивительных женщин, которые ее творили. В своей работе Зихерман глубоко исследует роль литературы в судьбах женщин конца XIX — начала XX века — их образование, досуг, круг чтения. Они ходили в читальные залы для женщин и открывали их, организовывали литературные кружки и благодаря книгам обретали себя — как интеллектуалки и педагоги, исследовательницы и социальные реформаторы, меняющие мир.

УДК 94(73).08 + 94(73).09

ББК 63.3(7)

ISBN 978-5-389-26818-0

© The University of North Carolina Press, 2010

© Шагина Е. И., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Колибри®

Оглавление

Введение. Книги и жизни	9
Часть I. Чтение молодых женщин в Позолоченном веке	
Глава 1. Читая «Маленьких женщин»	23
Глава 2. Женщины и новый культурный ландшафт Позолоченного века	60
Глава 3. Как читали молодые женщины	89
Часть II. Привилегированные читательницы	
Глава 4. (Чтение как) дело семейное <i>Гамильтоны из Форт-Уэйна</i>	121
Глава 5. Чтение и амбиции <i>Марта Кэри Томас и женский героизм</i>	166
Глава 6. Прокладывая себе путь через культуру <i>Джейн Аддамс и двойное наследие литературы</i>	204
Часть III. Чтение вне привилегированного класса	
Глава 7. Халл-хаус как культурное пространство	247
Глава 8. Новые книги, новые жизни <i>Еврейские иммигрантки, чтение и идентичность</i>	287
Глава 9. Пером и голосом <i>Ида Белл Уэллс, раса, литература и политика</i>	327
Заключение. От тогда к сейчас	375
Благодарности	385
Примечания	390
Избранная библиография	488
Список литературы	491

Книги и жизни

Это книга о женщинах, чтении и связях между ними. В частности, о роли чтения в жизни молодых женщин, выросших в Позолоченный век Америки, которые в той или иной степени вырвались из ожидаемой от них домашней жизни. Они родились в период между 1855 и 1875 годами и принадлежали к поколению женщин, которые по отдельности и все вместе оставили беспрецедентный послужной список общественных достижений — как врачи и ученые, социальные работники и педагоги, и, возможно, больше всего как лидеры крыла социальной справедливости прогрессивного движения за реформы начала XX века [1].

То, как женщины проходили путь от детства, полного чрезмерной опеки и отмеченного жесткими гендерными стереотипами, к жизни, полной приключений, — один из увлекательных аспектов истории этого поколения. Стремление девочек и девушек к публичной жизни подпитывалось многими факторами. Главными среди них были новые захватывающие возможности для получения высшего образования и работы по профессии, которые появились в самое подходящее время; некоторые вроде культурных учреждений, известных как поселения, они создавали для себя сами.

В книге «Жизнь за чтением» рассматривается менее ощутимый, но не менее значимый фактор на пути женщин к публичной самореализации: то, как чтение будоражило воображение и способствовало развитию женских амбиций. В книге утверждается, что чтение издавна было важным средством развития и поддержания женских устремлений и что оно имело особый резонанс для молодых женщин в годы после Гражданской войны.

Литература в целом и художественная литература в частности играют важнейшую роль в формировании женской идентичности. Психологи развития предполагают, что выдуманные истории столь привлекательны, потому что освещают проблемы в жизни читателей с эмоциональной стороны. Еще до момента, когда они сами научатся читать, художественная литература помогает мальчикам и девочкам разобраться со своими страхами и желаниями и контролировать их посредством фантазии, проработать свои отношения с миром через идентификацию с героем или героиней, получить представление о смысле жизни и позднее развить аналитическое мышление [2].

В любом возрасте девочки и женщины читают больше художественной литературы, чем мальчики и мужчины. Это было верно для конца XIX века, верно и сейчас [3]. Причины такого пристрастия еще не до конца изучены, но среди главных — высокая степень социализации женщин, которая заставляет их быть внимательными к эмоциям других людей, и их потребность находить в жизни источники удовлетворения, иначе недоступные. Кроме того, из-за своего подчиненного положения в обществе и традиционной привязанности к дому женщины больше мужчин вынуждены были узнавать о жизни из книг. Учитывая запретительные нормы викторианской культуры, это было особенно верно в конце XIX века, когда культурные противоречия в отношении гендера были весьма значительны. С одной стороны, девочек поощряли развивать свой ум и даже одобряли интеллектуальную скороспелость. С другой стороны, практически всё, что они читали и слышали, будь то в прессе, проповедях или с университетской кафедры, приравнивало истинную женственность к умению вести домашнее хозяйство.

Нехватка идеалов нетрадиционной женственности побуждала женщин чаще, чем мужчин, обращаться к литературе за самореализацией. Это особенно актуально в подростковом возрасте (а также в годы сразу до и сразу после него), когда воображение обострено, а будущее зачастую вызывает беспокойство. Книги давали женщинам не точный шаблон или схему для поведения, а податливые формы, которые можно было примерять на себя, имитировать, присваивать и отбрасывать, когда они переставали быть полезными. Мужчины тоже могли найти свое будущее в книгах, но, поскольку у них были наставники и ролевые модели в реальной жизни, в целом у них было меньше необходимости в таких поисках. Тогда как от мужчин ожидалось, что они будут прокладывать свой путь в мире, женщинам приходилось бороться за это право.

Амбициозным женщинам требовалась настоящая решимость, чтобы достичь своих целей. Нужно было убедить отцов (а иногда и матерей) в целесообразности образования для дочери; мешала откровенная дискриминация в учебных заведениях и на работе; нужно было преодолеть условности, включая ограничения на общение с мужчинами и работу вне дома после замужества. В то время когда материнство сильно идеализировалось, оставаться незамужней, за редким исключением, было практически обязательным условием для того, чтобы женщина из среднего класса могла сделать карьеру. Чтение как личный ресурс и как культурная система давало молодым женщинам доступ к пространству воображения, которое могло перекинуть мостик в их будущую жизнь, пока они с трудом двигались к цели.

Женщины из обеспеченных слоев общества росли в «культуре чтения», которая пронизывала практически все аспекты семейной жизни, досуга и образования. Под культурой чтения я подразумеваю среду или образ жизни, которые способствовали интенсивному взаимодействию с письменной речью в ее разнообразных формах. Позолоченный век во многих отношениях стал пиком грамотности в Америке. Чтение не только превозносилось как средство продвижения знаний, морали и культурной осведомленности, оно также было популярной

формой семейного досуга, вне конкуренции с кино, радио или телевидением. Двойной статус чтения — как культурной практики и приятного развлечения — помогает объяснить его необычайное влияние на людей в то время. Хотя навыки и доступ к интеллектуальным ресурсам различались, домашняя литературная культура была широко распространена среди среднего и высшего классов, к ней приобщались молодые и пожилые, мальчики и девочки.

Литературные достижения стали важными знаками отличия для молодых женщин: написание красивых писем или чтение стихов свидетельствовало об их талантах и достоинствах. Охотно участвуя в семейной литературной культуре, они также развивали свою собственную манеру чтения, которая в полной мере раскрывала его потенциал. Важнее всего был коллективный характер многих таких начинаний. В самом широком смысле слова любое чтение является социальным, а в то время — особенно. Женщины часто читали и писали вместе, будь то в неформальных кружках или организованных учебных клубах, в каждом из которых были свои ритуалы и возможности для выступлений. Благодаря чтению — и сопутствующему письму — молодые женщины создавали сообщества, в которых было место обучению, воображению и эмоциональным связям. В то время как период юности девушек часто искусственно затягивался, читательские сообщества помогали им поддерживать свои амбиции, несмотря на сопротивление родителей или сомнения в себе.

Тогдашние структуры чтения переплетались с жизнью женщин синергетическим образом. Чтение — как почитаемая культурная практика, как зачастую напряженный социальный ритуал, как источник удовольствия и знаний — многое могло предложить амбициозной молодой женщине. Неудивительно, что многие находили в чтении способ постижения мира, который способствовал свободе воображения и самоопределению. Возможно, способ опосредованный, но оттого не менее мощный и реальный. Молодые женщины читали и пересказывали истории для себя и близких друзей, творя новые

повествования, с помощью которых можно было придумать себе менее строгую жизнь [4]. Погружаясь в альтернативные миры, которые открывались через книги, молодые женщины замечали у себя ранее невидимые мысли и чувства, что было необходимым этапом перед тем, как начать поступать в соответствии с ними. В таких обстоятельствах чтение помогало возвращать и поддерживать личные мечты, которые впоследствии могли трансформироваться в общественные действия. Таким образом, чтение, будучи на первый взгляд занятием частным, оказывалось тесно связано с общественной сферой. Хотя само по себе оно ничего не могло изменить, оно было способно стать отправной точкой для любой женщины, недовольной существующим положением вещей [5].

Меня волнует общая роль чтения в жизни. В контексте жизни чтение — это нечто большее, чем сумма прочитанных человеком книг. Это нечто большее, чем осознанная или неосознанная интерпретация конкретных книг и авторов или идентификация с любимыми персонажами, хотя и это тоже. Смыслы зависят от взаимодействия между читателями, текстами и средой. Они создаются в читательских сообществах и преломляются через отдельных людей. То, как человек читает, что и с кем, имеет главенствующее значение для самого акта, да и для понимания прочитанного. Как метко напоминает нам историк Роже Шартъе, «чтение — это всегда практика, воплощенная в действиях, пространствах и привычках» [6]. По выражению Дженис Рэдуэй, это «сложное вмешательство в текущую социальную жизнь реальных социальных субъектов» [7].

Если изучать чтение как поведение, то это поведение с глубоким символическим смыслом. Чтобы понять значимость чтения в жизни, всю «паутину значений», обвитую вокруг него, я опираюсь на метод насыщенного описания антрополога Клиффорда Гирца. Тогда как он использовал крупный план для выявления символического значения балийского петушиного боя, я применила его к изучению чтения, безусловно, одного из главных способов, с помощью которых люди осмысляют свою культуру и собственное поведение [8].

Чтобы уловить как прямой, так и символический смысл чтения для читателей в определенную историческую эпоху, я организовала эту книгу в основном вокруг отдельных читательских сообществ [9]. С таким подходом, основанным на изучении конкретных случаев, не получится сделать большие обобщения, которые позволяют исследования, основанные на совокупных данных или общих популяциях. Но причины выбрать именно его кажутся мне убедительными. Исследование значимости чтения в жизни требует пристального внимания к отношениям не только между читателями и текстами, читательскими действиями и интерпретациями, но и между самими читателями. Понимание такого рода может быть достигнуто только путем интенсивного изучения жизни читателей с течением времени. Что касается понимания связей между книгами и жизнями, исследования на конкретных примерах позволяют получить специфический результат, который часто теряется при поиске общего знаменателя. Усреднение может затушевывать опыт, скрывая способы, которыми создаются смыслы. Смешение может привести к размыванию или искажению, а не к синтезу.

Применяя подход, основанный на изучении конкретных случаев, я опиралась на недавние исследования в рамках развивающейся науки об истории книг, которые сместили фокус с изучения текстов или их распространения среди населения на изучение практик и отношений, связанных с чтением [10]. Ключевой момент этой работы заключается в том, что смыслы возникают не только из текстов, но и в результате взаимодействия читателей и текстов вследствие того, что читатели приносят в них и извлекают из них. Другая мысль заключается в том, что на эти взаимодействия влияет социальный контекст, в котором они происходят. В книге «Жизнь за чтением» я попыталась распространить эти идеи на изучение читателей в определенную историческую эпоху, исследуя связи между конкретными практиками чтения и долгосрочным значением чтения в жизни человека. Такой подход подчеркивает творческие возможности чтения и его способность влиять на поведение людей.

Использование крупного плана подчеркивает эмоциональное воздействие чтения — тему, которой ученые часто пренебрегают, рассматривая чтение в первую очередь как интеллектуальное занятие или как дополнение к формальному образованию. В отличие от них, я делаю акцент на самостоятельном, или добровольном, чтении, и этот подход позволяет проанализировать взаимосвязи между когнитивным развитием, эмоциями и более широкой культурой, которые столь важны для понимания того, как чтение работает на практике и с течением времени. Как отмечает психолог Кит Оутли, «вымышленное повествование оказывает свое воздействие прежде всего через эмоции». Если эмоциональная вовлеченность происходит в «контексте понимания», то чтение может «повлиять на всю личность человека» [11]. Учитывая давнюю тягу женщин к художественной литературе и большую неоднородность их жизни по сравнению с мужчинами, изучение связей между эмоциональной и интеллектуальной жизнью женщин помогает раскрыть сложный исторический вопрос, который ставится в начале этого введения: как целое поколение женщин успешно проторило дорогу на прежде неизведанную территорию. Изучение женского чтения становится еще одним способом написания женской биографии.

Книга «Жизнь за чтением» построена как тема и вариации на нее. Если тема — это значение чтения в жизни молодых женщин, то вариации — это акты чтения в различных сообществах.

Чтобы подготовить почву и продемонстрировать контекстуальный подход к связям между текстами и жизнями, я начинаю с рассмотрения различных откликов на «Маленьких женщин» (*Little Women*, 1868–1869) — хрестоматийный текст для молодых женщин той эпохи, в котором семейная литературная культура занимает видное место. Хотя текст заказывался как «книга для девочек» (новая издательская категория с домашним очагом в центре повествования, которая должна была составить параллель приключенческим рассказам для мальчиков), классический роман Луизы Мэй Олкотт и ее героиня Джо Марч привлекали внимание интеллектуалок, особенно

будущих писательниц, вплоть до середины XX века. Разная реакция двух групп читательниц — коренных обеспеченных жительниц Америки и еврейских иммигранток — указывает на важность устремлений и социального положения в том, как воспринимается та или иная книга.

В домашнем литературном ландшафте американского Позолоченного века главенствовали белые женщины. Они не только достигли почти равного со своими коллегами-мужчинами уровня грамотности, но и выполняли ключевую роль в формировании литературной культуры, ставшей новым важным признаком статуса среднего класса. Представители обоих полов социализировались в этой домашней литературной культуре, но отношения молодых женщин с ней были особенно интенсивными. Их особое отношение к чтению в его культурном, эмоциональном и социальном аспектах подробно описано в очерках о Флоренс Келли, Элис Стоун Блэкуэлл и Шарлотте Перкинс Гилман.

Центральными фигурами в моем рассказе оказались интеллектуалки, большинство из них — писательницы, многие — активистки. Благодаря то ли необычайному таланту, то ли амбициям, то ли наличию возможностей, то ли всем трем факторам они смогли эффективно распорядиться своими литературными знаниями. В качестве героинь первых трех подробных читательских профилей выступили белые женщины из привилегированных семей, которые, несмотря на свой статус и свободный доступ к книгам, по-разному относились к грамотности и по-разному ее использовали. В каждом профиле на первый план выходит индивидуальный подход к чтению.

В случае с большой семьей Гамильтонов из Форт-Уэйна, штат Индиана, состоявшей в основном из женщин, я сосредоточилась на культуре коллективного чтения, которая занимала центральное место в их семейной идентичности. Гамильтоны читали вместе, постоянно говорили о книгах и создавали свои собственные литературные произведения по образцу прочитанного. Они также наполняли свою жизнь персонажами из прочитанных романов, находя в проницаемой границе между творчеством и жизнью возможности для самосозидания.

Хотя их культура чтения была коллективной, она оставляла место для индивидуального самовыражения: сестры и кузины выбирали любимые книги и литературных кумиров в соответствии со своими темпераментами. Две женщины из этой семьи добились необычайных успехов: Эдит Гамильтон, автор бестселлеров по истории классических цивилизаций, и ее младшая сестра Элис Гамильтон, врач и социальный реформатор, которая изучала промышленные яды и благодаря этому попала в Гарвард в качестве первой женщины-профессора.

Приобщение Марты Кэри Томас к литературе было более индивидуалистичным, чем у Гамильтонов: ее родители были набожными квакерами, и их религия, по крайней мере теоретически, запрещала чтение, музыку и театр, которые Томас, наоборот, полюбила. Чтение стало для нее страстью на всю жизнь, одновременно удовольствием и искушением, которое она порой с трудом контролировала. Интенсивность этой страсти проявилась в дневнике, который она вела в раннем подростковом возрасте и в котором фиксировала связь между тем, что она читала, и ее амбициями, среди которых в юности были поступление в университет и карьера писательницы. Позже она нашла поддержку у членов феминистского литературного кружка в Балтиморе, где женская общительность сочеталась с радикальной гендерной политикой и пристрастием к таким дерзким авторам, как Перси Шелли и Алджернон Суинберн. Томас так и не стала писательницей, но, будучи ректором колледжа Брин-Мор (Bryn Mawr College), она создала то убежище для интеллектуалок, о котором мечтала в подростковом возрасте.

Тогда как Томас находила в литературе эстетическое и эмоциональное удовлетворение, Джейн Аддамс искала в книгах инструкцию для выживания. Раздобыть ее было нелегко. Даже когда она познакомилась с некоторыми из крупнейших мыслителей своего времени, в том числе с Мэтью Арнольдом и Львом Толстым, ее литературный энтузиазм сдерживался страхом, что самообразование помешает ей заявить о себе в мире. Несмотря на амбивалентное отношение к чтению, которое проявлялось уже в текстах, которые она писала

в университете, культурные исследования Аддамс и ее способность интегрировать в эти исследования духовную и моральную проблематику заняли важное место в пути, который привел ее к основанию Халл-хауса (Hull-House) — новаторского чикагского поселения. Успех Аддамс в синтезе и применении прочитанного к суровому миру, в котором она жила, помог ей стать видной участницей движения поселений и одной из самых выдающихся интеллектуалок эпохи.

Последняя треть книги «Жизнь за чтением» посвящена попыткам менее привилегированных женщин достичь возможности словесного самовыражения, под которым я подразумеваю способность читать и писать грамотно и использовать эти навыки для достижения своих целей. Поскольку доступ к традиционному образованию был ограничен, женщины из рабочего класса, иммигрантки и афроамериканки часто приобретали полноценную грамотность альтернативными путями — от неформальных заведений, которые помогали самосовершенствованию, до таких учреждений, как культурные поселения и библиотеки.

Когда в 1889 году открылся Халл-хаус, наряду с услугами по уходу за детьми и помощью, юридической и в общении с домовладельцами, его волонтеры предлагали уроки, посвященные творчеству Роберта Браунинга и Джордж Элиот, а также основам английского языка и бухгалтерского учета. Большинство посетителей культурных уроков составляли молодые женщины, среди которых была Хильда Сатт Полачек — иммигрантка, для которой этот опыт изменил всю жизнь. Занятия и сопутствующее им общение не только сделали ее жизнь фабричной работницы менее скучной, но и дали навыки, которые позволили ей войти в американский средний класс. Когда Аддамс лучше узнала своих соседей и поняла, что большинство из них хотят, чтобы их развлекали, чтение уступило место театру — форме культурного досуга, которая, хотя и была отчасти литературной, предоставляла больше возможностей для создания сообщества и межклассовой взаимовыручки, к которой стремилась Аддамс. Этот опыт говорит о том, что реформаторы не смогли бы добиться успеха с культурной программой, которая не отвечала бы потребностям и желаниям соседок.

Рассказы от первого лица афроамериканок и иммигранток позволяют взглянуть на процесс получения грамотности с точки зрения тех, кто эту грамотность ищет, а не тех, кто помогает ее обрести. Для русских еврейских иммигрантов доступ к книгам и библиотекам часто оказывался центральным элементом их знакомства с Америкой, символами свободы и изобилия, недоступного в жестко ограниченных общинах Старого Света. Для женщин, чей доступ к грамотности был более ограничен, чем у мужчин, эти возможности также обещали новое гендерное равенство. В опубликованных автобиографиях некоторые женщины много говорили о новой идентичности, которую они обрели в англоязычных книгах (и в библиотеках и культурных поселениях, которые их предоставляли). Если Роуз Коэн, которая не могла посещать школу, рассказывала о мучительных попытках стать более грамотной, сначала на идише, а потом на английском, то образованная Мэри Антин гордилась превращением из скромной еврейской девочки в гордую американскую гражданку. При всем различии их опыта чтение американских книг помогло обеим женщинам заново представить и создать себя: они не только поднялись на новый классовый уровень, но и отказались от религиозных обрядов, которые ассоциировались у них с репрессивной, патриархальной культурой.

Для афроамериканцев притязания на словесное выражение были одновременно вопросом расширения знаний и обеспечения статуса настоящих американцев. Будучи молодой учительницей в Мемфисе, Ида Белл Уэллс оттачивала свои литературные навыки, как устные, так и письменные, в способствующей общению атмосфере афроамериканского лица¹. Там она выступала с декламациями (от Шекспира до стихов на диалекте), выражала протест расовой сегрегации в поездках и начала журналистскую карьеру. Уэллс эффективно использовала свои

¹ Лицейское движение — группа образовательных программ для взрослых, которые процветали в середине XIX века в США, особенно на Северо-Востоке и Среднем Западе, и были вдохновлены классической лицейской системой. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

ораторские и литературные способности, запустив смелую кампанию против линчевания. Ее крестовый поход помог превратить зарождающееся клубное движение¹ в общенациональную идею, а самыми активными ее сторонницами стали афроамериканки из среднего класса. Как и Уэллс, которая сожалела, что в юности не прочитала «ни одной негритянской книги», многие лидеры клубов были апологетами «расовой литературы» — книг об афроамериканцах, написанных ими самими, — жанра, который, по их мнению, способствовал бы формированию более позитивного образа этой расы. Литературная деятельность афроамериканских женщин внутри сообществ, которая зачастую имела религиозную основу, представляет собой разительный контраст с отчуждением многих еврейских литераторш от своих общин и религии.

Опыт женщин еврейского и афроамериканского происхождения подчеркивает один из главных посылов «Жизни за чтением»: хотя на чтение влияют классовая и расовая принадлежность, а также пол, оно не ограничивается ни этими, ни другими характеристиками личности. Несмотря на барьеры и трудности, некоторые афроамериканки и иммигрантки находили эмоциональную и интеллектуальную подпитку в прочитанных книгах и формировали на их основе новую идентичность. Как и в случае с белыми женщинами, родившимися в США, для тех, у кого были соответствующие возможности и склонности, книги давали шанс попасть «в другое место», иногда как в переносном смысле, так и в буквальном [12]. Представительницы обеих групп находили в литературной деятельности способ заявить о себе как об образованных американках.

Как бы ни приобреталась грамотность, при благоприятных обстоятельствах чтение становилось трансформирующим личностью опытом. Какими были эти обстоятельства для американских женщин конца XIX века — тема данной книги.

¹ Женское клубное движение — американское женское общественное движение, основанное в середине XIX века с целью предоставления женщинам возможностей для получения образования и активной общественной работы.

ЧАСТЬ I

ЧТЕНИЕ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН
В ПОЗОЛОЧЕННОМ ВЕКЕ

Читая «Маленьких женщин»

«Все девушки — это то, что они читают; все в мире — это то, что они читают. Спросите любую незнакомую девушку, какие книги она читает, и, если она ответит честно, вы узнаете ее сердце и душу. От выбора чтения юной девушки зависит, счастливым или несчастным окажется ее будущее. <...> Если вы хотите быть хорошими девушками, читайте хорошие книги».

Это слова не викторианского ученого мужа, а Розы Пастор — еврейки, которая недавно эмигрировала в Америку из Восточной Европы. Она писала под псевдонимом «Зельда» для английской страницы газеты *Yiddishes Tageblatt*¹ и в июле 1903 года призвала своих читательниц избегать «дешевой, ядовитой дряни» <...> безумных плодов сумасшедшей фантазии Лоры Джин Либби, Герцогини² и прочих им подобных! То есть авторов «бульварных» романов, которые читали женщины из рабочего класса [1].

Позже, отвечая на просьбы посоветовать хорошие книги, Пастор подробно остановилась на том, что должны читать девушки, чтобы стать теми, кем они, предположительно, должны

¹ «Еврейский ежедневник» (нем.).

² Герцогиня — псевдоним ирландской писательницы Маргарет Вулф Хангерфорд.

стать. Список для девочек до шестнадцати лет возглавила Луиза Мэй Олкотт — писательница, известная своими «прекрасными наставлениями», от творчества которой получали удовольствие «как разборчивые, так и неразборчивые» читательницы. Делая акцент на удовольствии и заверяя, что «хорошие» книги не обязательно должны быть «сухими», колумнистка назвала Олкотт писательницей с широкой, если не универсальной, привлекательностью для читателей. Она порекомендовала с десятком ее книг и высоко оценила биографию Олкотт, написанную миссис Эдной Доу Чейни¹, утверждая, что «биографии некоторых писателей даже интереснее, чем написанные ими истории». В своих суждениях журналистка-эмигрантка вторит и более авторитетным критикам [2].

К тому времени, как Пастор стала писать свою колонку, «Маленькие женщины» Олкотт уже стали обязательным чтением для целого поколения американских девочек. Ее повесть о женском взрослении, написанная для развивающегося рынка «девичьих историй», сразу же стала хитом как по продажам, так и по воздействию на читателей. Опубликованный в начале октября 1868 года первый тираж (две тысячи экземпляров) «Маленьких женщин, или Мег, Джо, Бесс и Эми» (*Little Women; or, Meg, Jo, Beth and Amy*) распродали в течение месяца. Продолжение появилось в апреле следующего года, и от оригинала его отличало только обозначение «Часть вторая». К концу года было напечатано около 38 000 экземпляров (обеих частей), и еще 32 000 — в 1870 году. К январю 1888 года, за два месяца до смерти Олкотт, в Соединенных Штатах всего было напечатано почти 200 000 экземпляров [3]. С помощью этой книги Олкотт заняла свою нишу на растущем рынке юношеской литературы. Она также перенаправила свою писательскую энергию в сторону от книг для взрослых — некоторые из них считались бульварными и публиковались анонимно или под псевдонимом — и стала не просто успешным автором книг для юношества, но

¹ Эдна Доу Чейни — американская писательница, реформатор и филантроп.

Зихерман Барбара

ЖИЗНЬ МЕЖДУ СТРОК

Книги, письма, дневники и судьбы женщин

Руководитель редакции М. Терехова

Ответственные редакторы М. Бушуева, Е. Солодовникова

Редактор Л. Комягина

Художественный редактор О. Жукова

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры Е. Шумская, О. Ануфриева

Компьютерная верстка Е. Потысьева

В оформлении обложки использованы иллюстрации Shutterstock.com:

© eotype; © Rawpixel.com; © Mike_shots

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.11.2025.

Формат 60×88^{1/16}, Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramond BT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,28.

Тираж 2000 экз. М-FEM-35816-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)